УДК 902

ЖИЛИЩА СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ ЕЛЕЦКОГО КНЯЖЕСТВА ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIV – НАЧАЛА XV ВЕКА (ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ТИПОЛОГИИ И ПЛАНИРОВКИ)*

Н. А. Тропин

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина

Поступила в редакцию 21 ноября 2014 г.

Аннотация: *в статье анализируются результаты раскопок поселения «Аргамач-Пальна 3» из округи Ельца последней четверти XIV – начала XV в., на котором проживала дружина елецкого князя. Благодаря раскопкам большой площадью удалось зафиксировать многочисленные жилища, хозяйственные постройки, получить яркую коллекцию предметов, связанных с воинским снаряжением и вооружением всадника. Методической основой для реконструкций служит интерпретация профилей подпола дома и его наземной части. Результаты анализа позволяют накапливать фонд сведений о домостроительстве, а также решать методические вопросы к разработке критериев жилищ, характерных для служилых людей.*

Ключевые слова: *домостроительство, Елецкое княжество, служилый человек, юго-восток Руси.*

Abstract: *the results of the excavations of settlement «Argamach-Palna 3» from the neighborhood of Elets of last quarter 14th – beginning of 15th century, where squad of Elets prince lived, are analyzed. Thanks to a large area of the excavations were able to detect multiple dwellings, outbuildings, bright collection of items related to military equipment and armament rider. Methodological basis for reconstructions is the interpretation of the profiles of sub-floor house and its land part. The results of the analysis allow accumulating, as the foundation of the dispensation of information and solving methodological issues in the development of test houses, typical of the servitors.*

Key words: *home building, Elets princedom, military man, South-east of Rus.*

Целенаправленное изучение поселенческих структур XII–XV вв. экспедицией Елецкого госуниверситета в последние годы позволило перейти от работ общего характера, в ходе которых была выявлена наиболее плотно заселенная округа летописного Ельца, к масштабным раскопкам на самих памятниках. Особое внимание в этом плане привлекает нижнее течение р. Пальны от ее устья до церкви с. Аргамач-Пальна протяженностью 5 км. Это сравнительно хорошо обследованная территория с 12 известными поселениями XIII–XV вв., на трех из которых проводились раскопки (поселения 1, 3, 5 у с. Аргамач-Пальна).

Современный ландшафт данного участка реки представлен пашней и открытым возвышенным пространством. Русло реки находится в известняковом каньоне с обрывистыми или крутыми берегами глубиной 30–45 м. Пойма и первая надпойменная терраса отсутствуют. В центральной части участка реки на левом берегу находится лес «Прасека» площадью около 50 га. В годы Великой Отечественной войны он был вырублен и в дальнейшем самостоятельно восстановился. Данные карт «генерального межевания» конца XVIII – начала XIX в. показывают нам большую залесенность, которой охвачен не только левый, но и противоположный берег реки [1]. Его вырубка на правом берегу (общинные крестьянские владения) произошла во второй половине XIX – начале XX в. По воспоминаниям старожилов села правый берег реки в довоенное время был уже безлесым. Лес на левом берегу реки в это же время находился в частном владении. Его граница маркирована известняковыми межевыми столбами, сохранившимися по настоящее время.

Помимо этого, карты «генерального межевания» показывают, что значительные пространства были луговыми покосами и пашней. Заселенным являлся лишь один участок – восточнее леса «Прасека», где отмечен хутор. При этом ни карты «генерального межевания», ни писцовые книги до сере-дины XVII в. не упоминают поселений на современном участке между с. Аргамач-Пальна и д. Трубицино в устье р. Пальны. Следовательно, можно считать, что современный ландшафт с учетом большей залесенности территории и меньшей распашкой в целом соответ-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 14-11-48003 а (р): «Жилища служилых людей Елецкого княжества конца XIV – начала XV в. (по результатам раскопок поселения 3 у с. Аргамач-Пальна)».

© Тропин Н. А., 2015

ствует ландшафту XIII–XV вв. Расположенные на этом участке поселения тяготели к древнему обширному лесному массиву.

По результатам раскопок 2011–2012 гг. из этой локальной группы памятников заметно выделяется поселение 3 у с. Аргамач-Пальна. Оно занимает высокий левобережный склон р. Пальны высотой 32–42 м. Памятник задернован лишь в южной части, в северной половине его поверхность распахана под лесополосы. Площадка имеет значительный уклон в южном направлении, в сторону реки. Перепад высот составляет 10 м. На ее поверхности на расстоянии 20 м расположены два межевых камня начала XX в. (верхний и нижний). Это четырехгранные столбы известняка, возвышающиеся на 0,6 м. Верхний срез верхнего камня был определен как репер памятника и «ноль» раскопа. От него же отсчитывались нивелировочные отметки по раскопу. На памятнике до начала раскопок фиксировались 9 западин, которые составляли три компактные группы, удаленные друг от друга на 20–30 м. Как показали раскопки, западины разных размеров и глубин связаны с углубленными в материк средневековыми сооружениями. Размеры поселения 60 × 200 м установлены с учетом распашки лесхозом склона под лесополосы.

Проведенные в 2011–2012 гг. раскопки позволили изучить 4080 м^2 площади [2, с. 17–56]. Предварительные рекогносцировочные работы с распахиваемой поверхности памятника методом планшетной съемки помогли собрать интересный подъемный материал [3, с. 57–72]. Установлено, что преобладающее большинство находок относится к поселению, существовавшему во второй половине XIV – начале XV в. Более поздние находки XVIII–XIX вв. связаны с хозяйственным использованием данной территории жителями близлежащей деревни, известной по картам Генерального межевания.

В ходе работ обнаружено 308 находок, включая подковные и строительные гвозди. Преобладающую группу из них составляют артефакты, связанные со снаряжением всадника и верхового коня (28,1 %). Они указывают на социальный статус жителей как служилых людей. Неординарность памятника подтверждается также исследованными шестнадцатью жилищами и пятью наземными хозяйственными постройками.

В данной статье мы рассмотрим вопросы методического характера, связанные с изучением жилых построек этого поселения. Исследователь ставит задачу реконструкции ископаемой реальности. Она будет успешной, если это позволит высокая степень сохранности объекта. Однако в отличие от «мокрого» культурного слоя «сухой» культурный слой, с которым приходится, как правило, работать археологу, не создает идеальных условий [4, с. 58]. Многое также зависит от профессиональных навыков, опыта и качества работ в поле.

К жилищам поселения 3 у с. Аргамач-Пальна возможно применить двухступенчатый уровень исследования. Первый уровень связан с описанием его как археологического объекта, второй уровень – создание модели реконструкции жилища с опорой на археологические и этнографические сведения. Подобный подход является традиционным в исследовании. В последнее время он был апробирован на многочисленной серии жилищ X–XIII вв. южной Руси в Посулье Ю. Ю. Моргуновым [5, с. 115–131; 6, с. 133–144] и в курском Посемье О. Н. Енуковой [7]. Несмотря на критические и не всегда бесспорные замечания В. Ю. Коваля по вопросам реконструкции жилищ [8], значение этих исследований остается попрежнему великим и чрезвычайно важным для территории Чернигово-Рязанского порубежья в Верхнем Подонье, где наблюдается тесная связь с южнорусской и поокской жилищной архитектурой XII–XV вв. Необходимо сказать, что впервые на южнорусское влияние в Подонье указал М. В. Цыбин, выделив ряд жилых построек XII–XIII вв. на Семилукском городище [9; 10].

Следует также учитывать жилые постройки IX–X вв. в курском Посемье [11; 12], на Верхнем и Среднем Дону [13, с. 75–77; 14; 15, с. 18–19], на водоразделе Оки и Дона [16], сравнительно недавно введенные в научный оборот, авторы которых используют методы реконструкции.

Но, несмотря на огромное количество жилых построек IX–XIII вв., исследованных в южной и юго-восточной Руси, раскопанные жилища XIV–XV вв. до сих пор остаются малочисленными; к ним почти не применялись методы реконструкции. Учитывая это обстоятельство и факт принадлежности жилищ поселения 3 у с. Аргамач-Пальна служилым людям, данное исследование имеет смысл.

В начале первого уровня исследования было установлено, что все жилища являлись наземными. В зависимости от конструктивных особенностей они разделены на пять типов: 1) жилища с подпольными ямами – погребами (постройки № 2А, 2Б, 3, 4А, 4Б, 10А); 2) жилища с неглубокими ямами как результат несостоявшихся из-за выхода камня глубоких подпольных ям (постройки № 9А, 9Б); 3) жилища с неглубокими из-за выхода камня подпольными и предпечными ямами одновременно (постройки № 7, 8А); 4) жилища с предпечными ямами, но без подпольных ям (постройки № 6, 8Б); 5) жилища без подпольных и предпечных ям (постройки № 11, 12, 13, 15).

Наиболее распространенными являются жилища с подпольными ямами. Их известно десять, включая и те случаи, когда из-за каменистого грунта погреб под домом не смог быть выкопан в полную глубину, а имеющаяся глубина в 0,2–0,3 м в глиняном материке позволяла подобную яму использовать как кладо-

вую. Однако и в этом случае верхняя часть погреба имела классическую подпрямоугольную форму площадью 4,5–5 м^2.

Предпечных ям, известных в жилищах 3 и 4 типов, встречено лишь четыре. Они непосредственно близко расположены у печей. У них овальная в плане форма, площадь 1–2 м^2 и глубина в материке, как правило, не превышает 0,2 м.

Сохранность объектов позволила детализировать их характеристику и выяснить размеры наземной части, строительную конструкцию подпольных ям и глинобитных печей, строительные периоды сооружений.

Самым неожиданным наблюдением стала возможность увидеть границы жилых построек благодаря почвенному фону поселения, расположенного на серых лесных почвах. Они фиксировались в профилях культурного слоя как гумуссированные участки в виде прогибов диаметром до 0,3–0,4 м с угольками и обожженной глиной. Внешне они напоминали просевшее в культурный слой бревно, точнее сказать, овал его нижней части. Участки, благодаря бровкам, расположенным через 4 м, выстраивались в линии, маркирующие границы наземной части дома. Они просматривались и фиксировались лишь при боковом освещении. Мы предположили, что это остатки «утопшего» в грунт нижнего венца сруба.

Данное наблюдение нами отмечено применительно к каждой постройке. В тех случаях, где жилое сооружение имело два строительных этапа, границы постройки раннего этапа фиксировались фрагментарно. Сказанное, являясь редким наблюдением при раскопках средневековых поселений на Руси, все же известно в науке по материалам раскопок Н. Н. Грибова в округе Нижнего Новгорода [17, с. 258] и на селище Мякинино II в Подмосковье [18, с. 61].

В ряде случаев под жилым срубом отмечены признаки стульев. В четырех постройках они в виде столбовой ямы зафиксированы вблизи печи (постройки № 2А, 4Б, 12, 15), очевидно, укрепляя пространство. В двух постройках (№ 2Б, 3) отмечены «подклады» под угловые венцы в виде неглубоких, до 0,1 м, в материке ям овальной формы с пологими стенками. В таких ямах, как правило, фиксировались мелкие вкрапления угольков. В постройке № 2А отмечены признаки двух каменных стульев, что объясняется фактом строительства дома на склоне.

Возможность зафиксировать границы жилищ позволила нам говорить об их размерах. В итоге для четырех жилищ с подпольными ямами (типы 1–3) установлены наиболее типичные размеры – 8 × 10 м. Одно из них – постройка № 3 – являлось наиболее крупным с размерами 10 × 11 м. Ряд жилищ были значительно меньше (постройка № 2А – 5,6 × 5,6 м; постройка № 4А – 6 × около 8 м; постройка № 7 – 3,2 × 7,4 м; постройка № 8А – 7,4 × 7,8 м; постройка № 9А – размеры не установлены).

Жилища с подпечными ямами (типы 3–4), как правило, значительно меньше по площади и составили 24–58 м^2.

Все жилища без подпольных и подпечных ям (тип 5) являлись крупными по размерам, их площадь составила 74–100 м^2.

В итоге с уверенностью можно сказать, что десять жилых построек из пятнадцати (2/3 жилищ) имели площадь от 74 до 110 м^2. На наш взгляд, статистические данные не позволяют говорить о какой-либо закономерности между типом жилища и его размерами. Скорее всего, ответ лежит в иной плоскости.

Весьма информативными сведениями для реконструкции жилищ обладают подпольные ямы. Мы располагаем четырьмя подпольными ямами шести жилищ типа 1, сооруженными в средневековье на полную глубину. Их размеры составили от 2,4 × 2,8 до 3,3 × 4,3 м, глубина подполий в материковой глине – 0,8–1,1 м.

Наибольшую научную ценность представляют те ямы, в которых отложились напластования, произошедшие в результате внезапной их гибели. Они не были нарушены человеком при разборке котлована. Исследуя заполнения подпольных ям в постройках XIV–XV вв. нижегородской округи, Н. Н. Грибов акцентирует внимание на методику исследования, подчеркивая, что «этот подход предполагает выделение характерных структур в заполнении котлованов, т.е. таких специфических ассоциаций слоев и прослоек, которые нельзя признать случайными из-за их сериации, присутствия у значительного числа исследованных объектов» [19, с. 155].

Выясняется, что степень информативности подпольных ям разная. Три из них, за исключением подпольной ямы постройки № 3, перестраивались. В них фиксируется второй строительный этап и не перекопанные по краям остатки от первого этапа. Необходимый профиль имеется лишь у подпольной ямы постройки № 2Б.

Опираясь на профили подпольных ям построек № 2Б, 3, проследим их информативность. Они наглядно показывают следующее: 1) мощность слоя, отложившегося в результате пожара и разрушения постройки в центральной части ям, достигает 0,5 м. При этом стратиграфически фиксируются остатки пола на дне подпольной ямы, рухнувший пол жилого пространства с глинобитной печью и крыша жилища; 2) к краям стенок котлована мощность слоя заметно возрастает. Это слой глины, связанный как с забутовкой пространства между облицовкой подполья и материковой стены котлована, так и с разрушением котлована природными процессами; 3) профили содержат признаки упавших во время пожара печей.

Глинобитные развалы лежат под уклоном, повторяя наклон упавшего пола жилого помещения. Их нижняя часть фактически соприкасается с полом подпольной ямы, отделяясь прослойкой в 0,1 м. Мощность развалов достигает 0,05 см. Под ним фиксируется прослойка 0,02–0,03 м угольков от опечка; 4) с полной уверенностью можно говорить о деревянном поле на дне подпольной ямы. В материковом полу двух подпольных ям сохранились отпечатки углублений от трех лаг в виде бревен диаметром около 0,3 м (гумус + + угольки). Лаги расположены параллельно друг к другу по линии север–юг вдоль стенок котлована и по центру. Следовательно, доски пола были сориентированы по длине по линии запад–восток.

Профили подпольных ям других построек, нарушенных поздними перекопами, содержат иную информацию. Имеющийся в подполе постройки № 2А ледник был засыпан глиной. Яма была расширена и стала подполом постройки № 2Б. В верхней части засыпки ледника в плане зафиксированы вкопанные столбовые ямы, конструктивно связанные с постройкой № 2Б.

Заполнение подпольной ямы построек № 4А и 4Б отражает факт разборки ее конструкций, возможно, и выборку наиболее ценных вещей после пожара на каждом из двух этапов ее гибели. Об этом свидетельствуют монотонная, перемешанная засыпка котлована. После первого пожара подпольная яма глубиной в материке до 1,3 м была засыпана до глубины 0,63–0,86 м и расширена. После второго пожара облицовочные конструкции ямы разобраны, остатки пола были сохранены, и яма была сразу же засыпана.

В подпольной яме постройки № 10А после ее незначительной засыпки была сооружена хозяйственная постройка.

Приведенный перечень состояния профилей разных подпольных ям убеждает лишний раз в том, что профиль не всегда отражает конструктивные особенности жилища.

Для дальнейшего уровня реконструкции обратимся к характеру облицовки стен котлована. В подпольных ямах построек № 2Б, 10А зафиксированы редко расположенные столбовые ямы вдоль материковых стен. Следовательно, можно говорить об их горизонтальной облицовке, укрепленной вкопанными столбами. Подобная облицовка стен более характерна для южных и юго-восточных территорий Руси, в то время как в Северо-Восточной Руси преобладала вертикальная облицовка [20, с. 62].

В подпольной яме постройки № 2Б столбовые ямы зафиксированы лишь вдоль южной стенки, в слое засыпанного ледника. Вдоль остальных стен котлована они не отмечены. Очевидно полагать, что вертикальные столбы в нижней части крепились за счет пространства, образованного от высоких лаг пола, и ими прижимались.

Учитывая расстояние между материковой стенкой котлована и облицовкой можно рассчитать полезную площадь этих подпольных ям. Если для постройки № 2Б общая площадь ямы в материке при размерах 2,7 × 2,8 м составила 7,56 м^2, то полезная площадь – 2 × 2,1 м (4,2 м^2). Для постройки № 10А при размерах 2,4 × 3 м (по низу котлована) общая площадь составила 7,2 м, полезная площадь – 2,2 × 2,8 м (6,16 м^2).

В остальных случаях из-за отсутствия столбовых ям, вероятнее, следует предполагать наличие срубной конструкции облицовки стен. Выполненные расчеты на примере самой крупной подпольной ямы постройки № 3 показали, что при ее общих размерах 3,3 × 4,3 м (14,19 м^2) полезная площадь составила 6,9 м^2 (2,3 × 3 м). Столь высокую разницу между общей и полезной площадью можно объяснить фактом ее разрушения естественными процессами после гибели.

В каждом жилище зафиксирована глинобитная печь. Лучше всего сохранились развалы печей более поздних жилищ и печи, не упавшие в подпольные и подпечные ямы. В остальных случаях их остатки отмечены в виде крупных кусков обмазки или в виде крошки обожженной глины, распространенной на площади не менее чем 4 м^2 (постройка № 4А, постройка № 15). В постройке № 3 имелись две печи, что можно объяснить большими размерами дома (10 × 11 м). Одна из печей (№ 2) обнаружена упавшей в подпольную яму во время пожара.

Остатки глинобитных печей фиксировались как непосредственно под дерном, так и в основании 1 пласта слоя с глубины 0,2 м. Их мощность везде была одинакова и составляла 0,2 м. Нами учтены 10 печей, глинобитные развалы которых залегали горизонтально в слое. Отметим, что два самых незначительных по размерам глинобитных развала соответствовали небольшим по площади жилищам. Постройка № 7 площадью 24 м^2 имела развал печи 1 × 1,2 м, а постройка № 8Б площадью 54 м^2 – 0,85 × 1,25 м.

Пять глинобитных развалов печей имели размеры 1,6 × 1,6 – 1,8 × 2 м (2,5–3,6 м^2). Три развала печи оказались наибольшими: 1,9 × 2,5 – 2,4 × 2,8 (4,75–6,7 м^2).

Установлено, что печи сооружались на опечках. В двух случаях определены их точные размеры – 1 × 1 м. По удивительному совпадению как раз эти опечки принадлежали самым крупным глинобитным развалам (постройка № 2Б с площадью развала 6,72 м^2, постройка № 13 – 5,2 м^2). Опечек сооружался из бревен-горбылей диаметром 0,1 м. Отмечено, что опечек постройки № 13 снизу крепился на стяжке с помощью вырезанного паза. Роль стяжки выполнял брус шириной 0,25 м и толщиной 0,05 м.

А. А. Гольевой был определен строительный материал из 135 образцов дерева разных частей жилищ и опечков. В преобладающем большинстве им являлся дуб (113 образцов). Вяз (3 образца) и ясень (16 образцов) встречались эпизодически в верхних слоях наземной части жилищ, но никак не связаны с полом. Мы связываем их применение наряду с дубом при строительстве крыши. Ясень и дуб применялись и при сооружении опечка. В двух случаях в столбовых ямах от опорных столбов (козлов) под глинобитную печь отмечено применение лещины (постройки № 4, 12). В одной из столбовых ям постройки № 3, которую мы связываем с остатками крепежа лестницы, зафиксировано розовоцветное.

Отдельный сюжет в исследовании жилищ образует тема о возможных подклетах. Этим мы реализуем второй уровень в реконструкции жилищ.

Наблюдения над состоянием развалов глинобитных печей в наземной части жилищ, а именно: хаотичное расположенные плах опечек, неравномерная по толщине глинобитная линза развала печи на горизонтальной поверхности, несовпадение расположения столбовых ям (козлов) под печью – все это создает впечатление об их падении или незначительном перемещении. В случае наземного расположения жилища это вряд ли было бы возможно, печь бы просела. Вместе с тем, развалы глинобитных печей лежат компактно монолитом, без отвалившихся кусков (за исключением печей раннего этапа). Это предполагает, что возможное их падение могло произойти с небольшой высоты. Однако только эти наблюдения не могут являться достоверными для дальнейших реконструкций.

Более надежным аргументом в пользу жилищ на подклетах является незначительная глубина (0,8–1,3 м) подпольных ям в материке. С учетом мощности культурного слоя 0,4 м и нароста его за 700 лет не более чем на толщину дерна – 0,1 м (под слоем дерна расположен верхний уровень печей) глубина подпольной ямы с учетом дневной поверхности может составлять 1,2–1,7 м. Этого может быть недостаточно для всех построек. А для построек № 2А, 2Б при глубине 1,06–1,3 м в материке это даже исключено, так как они расположены на склоне, где мощность слоя не превышает 0,3 м. Обойтись без подклета невозможно было бы и в подпольной яме постройки № 4Б при ее глубине в материке 0,63–0,86 м.

Еще одним аргументом в пользу наличия подклета являются два ступенчатых входа в подпол, куда можно было бы зайти с внешней стороны жилища (постройки № 2А, 4А).

Учитывая наши размышления о состоянии развалов глинобитных печей, мы предполагаем наличие невысокого подклета в жилищах с подпольными ямами. О других жилищах мы не столь категоричны. Необходимы более веские аргументы.

Согласно этнографическим данным на примере ближайших к нам южных территорий Московской губернии для жилищ более характерным был низкий подклет, и перерубы для пола врубались во второй–четвертый венец [21, с. 228]. Если учесть, что диаметр стандартного бревна составлял 25 см и при возведении сруба за счет пазов происходила его усадка на 15 %, то уровень второго венца, возвышавшийся над дневной поверхностью, составит 0,4 м. Этого достаточно для того, чтобы находиться в подпольной яме в полный рост с учетом высоты подполья.

Реконструируя постройки, в ряде случаев можно выделить жилую часть – избу, горницу, сени. Основанием для этого служат участки культурного слоя в профилях раскопа, которые очерчивают не только внешнее, но и внутреннее пространство жилища. Наиболее перспективным нам представляются постройки № 3, 4Б, 10А, 13.

С уверенностью можно говорить о планировке поселения. Оно застраивалось в два ряда с интервалом между жилищами 20–30 м. Признаков усадеб не встречено. Однако перестройка жилищ происходила в пределах «своих» участков. Хозяйственные постройки располагались в отдалении от жилищ.

В рамках социальной топографии поселения имеется возможность говорить о трех его статусных участках. Один из них располагается на юго-западной окраине поселения, где овраг устьем выходит к реке. Здесь известно несколько жилых разновременных построек на подклете (№ 2А, 2Б, 3, 4А, 4Б), среди которых наиболее крупными являются последовательно сменяющие друг друга постройки № 3, 4Б.

Другой участок расположен в 60 м восточнее, у верхнего межевого камня, где раскопана постройка с двумя строительными периодами (постройка № 9А и 9Б). В ее наземной части кладоискателями в 2010 г. были обнаружены два монетных клада, один из которых содержал еще ювелирный женский набор из серебра, состоящий из серьги и перстней.

Монетные клады удалось обработать, они взвешены и определены Е. Ю. Гончаровым (Институт востоковедения РАН). Ранний клад, состоящий из 24 серебряных ордынских монет и четырех подражаний, был сокрыт не ранее 1385 г. Второй клад из 26 монет – в 1415 г. Е. Ю. Гончаровым эти незначительные по размерам клады связываются с кошельками, полученными служилыми людьми за службу [22, с. 21–22].

Третий наиболее восточный участок связан с постройкой № 13, где обнаружен бронзовый двухстворчатый энколпион с цепью.

На распахиваемой под лесополосы поверхности памятника зафиксированы еще шесть пятен глинобитных печей, которые вписываются как в двухрядную застройку поселения, так и в ее локальные участки.

Раскопанное поселение служилых людей у с. Аргамач-Пальна вносит существенный вклад в оценку локальной группы памятников в нижнем течении р. Пальны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 1356. – Оп. 1. – Ед. хр. 3788–3790.

2. *Тропин Н. А.* Раскопки поселения 3 у с. Аргамач-Пальна / Н. А. Тропин [и др.] // Археологические открытия в Ельце и его исторической округе 2011 г. (информационный ежегодник). – Вып. 3. – Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2012.

3. *Иншаков А. А.* Планшетный сбор подъемного материала на поселении 3 у с. Аргамач-Пальна / А. А. Иншаков, А. В. Иншакова // Археологические открытия в Ельце и его исторической округе 2011 г. (информационный ежегодник). – Вып. 3. – Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2012.

4. *Коваль В. Ю.* Проблемы изучения планировки и застройки поселений средневековой Руси / В. Ю. Коваль // Археология Подмосковья : материалы научного семинара. – Вып. 3. – М. : ИА РАН, 2007.

5. *Моргунов Ю. Ю.* Сампсониев остров. Пограничная крепость на посульской окраине Руси в IX–XIII вв. / Ю. Ю. Моргунов. – М. : Наука, 2003.

6. *Моргунов Ю. Ю.* Летописный город Снепород и его округа X–XIII вв. / Ю. Ю. Моргунов. – СПб. : Филологический факультет, 2012.

7. *Енукова О. Н.* Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. / О. Н. Енукова. – Курск : Курский гос. ун-т, 2007.

8. *Коваль В. Ю.* Об археологической интерпретации двухэтажных построек средневековой Руси (критические заметки) / В. Ю. Коваль // Археология Подмосковья : материалы научного семинара. – Вып. 6. – М. : ИА РАН, 2010.

9. *Пряхин А. Д.* Древнерусское Семилукское городище на р. Дон (итоги раскопок 1984–1986 гг.) / А. Д. Пряхин, М. В. Цыбин // Археология славянского Юго-востока : материалы межвуз. науч. конф. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. пед. ин-та, 1991.

10. *Пряхин А. Д.* Древнерусское Семилукское городище (материалы раскопок 1987–1993 гг.) / А. Д. Пряхин, М. В. Цыбин // На Юго-востоке Древней Руси : межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996.

11. *Енуков В. В.* Славяне до Рюриковичей / В. В. Енуков. – Курск : Учитель, 2005.

12. *Григорьев А. В.* Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным / А. В. Григорьев // Труды Тульской археолог. эксп. – Вып. 2. – Тула : Гриф и К, 2000.

13. *Винников А. З.* Жилые постройки боршевской культуры на Животинном городище / А. З. Винников // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южно-русских степей в эпоху раннего средневековья : материалы науч. конф. – Воронеж : Истоки, 2008.

14. *Винников А. З.* Юго-восточная окраина славянского мира в VIII – нач. XIII вв. (Животинное городище на р. Воронеж) / А. З. Винников. – Воронеж : Кварта, 2014.

15. *Ковалевский В. Н.* Славянские жилища VIII – первой половины XI вв. в Днепро-Донском лесостепном междуречье : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. Н. Ковалевский. – Воронеж, 2002.

16. *Григорьев А. В.* Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. / А. В. Григорьев. – Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2005.

17. *Грибов Н. Н.* Русское владельческое село удельного периода (по материалам раскопок селища Ближнее Константиново – 1) / Н. Н. Грибов // Сельская Русь в IX–XVI веках. – М. : Наука, 2008.

18. *Коваль В. Ю.* Проблемы изучения планировки и застройки поселений средневековой Руси / В. Ю. Коваль // Археология Подмосковья : материалы научного семинара. – Вып. 3. – М. : ИА РАН, 2007.

19. *Грибов Н. Н.* Отложения в котлованах построек : характерные структуры, их выделение, интерпретация / Н. Н. Грибов // Археология Подмосковья : материалы научного семинара. – Вып. 8. – М. : ИА РАН, 2012.

20. *Шполянский С. В.* Конструкции подполий средневековых построек в Суздале и его округе (опыт систематизации) / С. В. Шполянский //Археология Владимиро-Суздальской земли : материалы научного семинара. – Вып. 2. – М. : ИА РАН, 2008.

21. *Чижикова Л. Н.* Жилище / Л. Н. Чижикова // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. – М. : Наука, 1987.

22. *Гончаров Е. Ю.* Нумизматические находки как источник для изучения формирования локальных финансовых систем (Елецкие земли XIV – нач. XV в.) / Е. Ю. Гончаров // На степном пограничье : Верхний Дон в истории средневековой России. – Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2011.

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина

Тропин Н. А., доктор исторических наук, заведующий кафедрой российской истории и археологии

E-mail: tropin2003@list.ru

Тел.: 8 (47467) 6-06-64

Elets State University named after I. A. Bunin

Tropin N. A., Doctor of Historical Sciences, Head of Russian History and Archaeology Department

E-mail: tropin2003@list.ru

Tel.: 8 (47467) 6-06-64